

Н. В. Кудинова
Калининград, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПРИЗЫВ К ВОССТАНИЮ, В ТОТАЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются построение модели политической аргументации при тоталитарном режиме власти и влияние данной модели на слушателя с лингвистической и психологической точек зрения на примере сказки-притчи «Скотный двор» Джорджа Оруэлла. Писатель описывает процесс становления тоталитарного режима от появления идейного лидера до саморазрушения системы. Аргументативная речь в художественном произведении выполняет эстетическую функцию и позволяет писателю создать гротескную модель тоталитаризма. Описанными способами речевого и психологического манипулирования человеческим сознанием пользуются многие представители политической элиты. Целью данной статьи является выявление аргументативно-агитационной модели воздействия на слушателя, а именно того, какие стратегии, языковые средства и психологические приемы при этом используются. Новизна работы заключается в применении логического, когнитивного и коммуникативно-риторического подходов для анализа аргументации в агитационной речи. В результате анализа речи хряка Майора выявлена целая система аргументов для обоснования главного тезиса. Все указанные аргументы взаимосвязаны между собой и взаимозависимы, их происхождение и иллокутивная сила оказывают влияние на всех обитателей фермы. Намеренно вызванные чувства и эмоции порождают в уме адресата необходимые для агитатора мысли и в дальнейшем подталкивают к определенным действиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая аргументация; политический дискурс; художественный дискурс; тоталитаризм; языковые средства; психологические приемы; британская литература; британские писатели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кудинова Наталья Владимировна, аспирантка 3-го курса, Балтийский федеральный университет имени Им. Канта; 236041, Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: zhurova86@mail.ru.

Ученые исследуют воздействие политического дискурса на коллективное сознание и поведение со времен Аристотеля. Политическая аргументация, обладая четкой логической структурой, ориентируется на разум слушателя, при этом не менее важным оказывается психологический аспект, т. е. воздействие на чувства и эмоции людей. Если посмотреть на агитационные речи политиков, то можно отметить, что аргументационные пропагандистские модели напрямую зависят от конкретного политического режима, который они поддерживают.

Трагические события мирового масштаба в начале XX в. привели к изменению мироощущения человечества — становится очевидной необходимость изучения общественно-политических процессов и их взаимосвязь с политической коммуникацией. Начинается изучение военной пропагандистской машины, механизмов влияния на общественное мнение и его формирования, методов политической агитации. Политическая лингвистика возникает как необходимая научная дисциплина в условиях быстро и кардинально изменяющейся политической картины мира. В этот период появляется дополнительный импульс к осмыслению роли языка в политике, обусловленный практикой тоталитаризма и новой, еще более разрушительной мировой войной. Рассматривая этот этап развития политической лингвистики, историки науки называют, помимо специалистов по коммуникации, английского писателя Джорджа Оруэлла, обратившегося к критическому изучению тоталитарного дискурса [Философия. Новое время: 11].

Произведения Джорджа Оруэлла «Скотный двор» и «1984» описывают методы и практики тоталитаризма, содержат модели приведения к тоталитарному режиму власти, его господства и последствий. Ученые, журналисты, политологи называют Оруэлла пророческим, его антиутопии — «азбукой тоталитаризма», проводят аналогии с современной политической ситуацией в мире. Писатель был идейным последователем учения Маркса. Воодушевленный идеями справедливого вознаграждения трудящихся и господства мирового пролетариата, Оруэлл отправился на освободительную войну в Испанию. Этот тяжелейший опыт жизни заставил его пересмотреть свои взгляды на социализм и коммунизм. На конкретных примерах Джордж Оруэлл описывает, какими способами речевого и психологического манипулирования человеческим сознанием пользуются политики в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве [Майерс 2015; Баранов <http://>].

Политическая картина мира XX в. характеризуется процессом демократизации развитых стран, но с тенденцией ограничения и подчинения свобод в других странах, на которые более влиятельные государства имеют виды, связанные с извлечением выгоды. Во многих странах происходят восстания, изменения режима власти, носящие названия «цветные революции», «бархатные революции» и др. [Токарева, Шкуренок, Ковальский <http://>; Недошивин <http://>]. Схемы формирования в обществе революционных настроений схожи между собой. Например, «процесс установки повестки дня» — понятие, введенное У. Липпманом, когда в поли-

тической коммуникации высвечивается одно событие, которое оказывает влияние на слушателя, а состояние реальной действительности замалчивается [Хитченс 2017]. Тоталитарный режим власти характеризуется определенной модальностью политического языка, требовательными и эмоционально-настойчивыми монологическими речами с кричащими, порой истеричными интонациями, обвинениями в адрес «врага», виновного во всех бедах и несчастиях. Ограничения в сфере политической коммуникации являются причиной закрытого общения с огромным количеством штампов, устойчивых оборотов, которые, по Оруэллу, ограничивают мышление людей, поскольку когда существует какой-то штамп, он используется всегда, нельзя от него отойти [Моноклер <http>].

В качестве объекта исследования взят отрывок из сказки-притчи Джорджа Оруэлла «Скотный двор» — художественного произведения, демонстрирующего все признаки политического тоталитарного дискурса. Однако в рамках художественного произведения аргументативная речь выполняет особую, эстетическую функцию, а такой литературный жанр, как сказка-притча, позволяет писателю создать образную, в данном случае даже гротескную, модель тоталитарного режима, используя параллель или аналогию между миром людей и стадом животных. Этот прием позволяет, в частности, с большой выразительной силой и сарказмом изобразить сцену собрания скотного двора и эпизод речевого воздействия предводителя скотного двора, хряка Майора, на животную аудиторию с целью подвигнуть ее к восстанию против людей.

Цель настоящей статьи — выявить модель аргументативного воздействия на слушателя в ситуации тотального господства оратора над аудиторией в условиях тоталитарного режима, а также показать, как работает эта аргументативно-агитационная модель, какие стратегии воздействия на аудиторию, языковые средства и психологические приемы при этом используются.

В качестве теоретической базы для анализа используется системная модель аргументации, разработанная В. Н. Брюшинкиным, представляющая собой синтез логического, когнитивного и коммуникативно-риторического подходов к анализу текста. Первый этап, логический, включает выявление главного тезиса текста и системы аргументов, его обосновывающей. От главного тезиса исходят высказывания, которые являются ключевыми в убеждающей речи адресанта. Второй этап, когнитивный анализ, состоит в выявлении опор аргументации и особенно-

стей мировоззрения участников аргументативного процесса. Третий этап, коммуникативно-риторический анализ, учитывает аргументативную ситуацию, участников аргументативного взаимодействия и фактор адресата, в частности приемлемость предложенных ему аргументов, а также включает в себя рассмотрение различных тропов и фигур, служащих средством усиления иллюкативной силы аргументации [Брюшинкин 2012].

Старый хряк Майор в произведении Джорджа Оруэлла «Скотный двор» выступает в роли идейного лидера, авторитета, источника аргументации. Главным тезисом и предметом аргументации является положение о *несправедливом господстве людей над животными*. Адресат аргументативного воздействия — животные на ферме. Они же являются объектом аргументации.

В свое время И. Кант указал на различия между теоретическими и практическими аргументами и на способы обоснования того, что есть (существует, является фактом) и того, что должно быть (с точки зрения предпочтения или иных ценностей). Человек в процессе познания бытия создает свою картину мира, основываясь на своих чувственных переживаниях и впечатлениях [Руксперт <http>].

Условно речь Майора можно разделить на четыре части. Первая часть содержит вступление, теоретические аргументы (с точки зрения их логической природы дескриптивные), которые описывают тяжелую участь животных на ферме, унижительное господство людей, несправедливость и рабский труд.

Вторая часть содержит практические, прескриптивно-аксиологические аргументы, которые описывают тот привычный и ужасающий уклад вещей, который, по мнению Майора, останется без изменений, если не произойдет изгнание людей.

В третьей части снова используются теоретические аргументы (человек есть враг, а все животные равны), но что примечательно, основываются они на тех практических аргументах, которые были во второй части. В четвертой части практические аргументы, как следствие из третьей части теоретических аргументов, создают картину-мечту, тот вещий сон, о котором в начале своей речи упоминал Майор, некую утопию жизни без людей.

Для обоснования своего целевого убеждения Майор использует целую систему аргументов, происхождение и иллюкативная сила которых оказывает влияние на всех обитателей фермы.

1. Аргумент от важности предмета и личного жизненного опыта оратора, от его якобы

выдающейся личности, претендующей на авторитет и на право руководить собранием. В данном случае это жизнь самого хряка Майора: он ищет расположения к нему адресата, овладевает его вниманием. Перед мнимым авторитетом срабатывает такая психологическая реакция, как уважение, робость, страх, трепет. Этот аргумент занимает внимание слушателя, так как затрагивается такая тема, которая, несомненно, вызывает интерес у каждого разумного существа — смысл жизни. Текст начинается речью автора. Это метауровень текста, т. е. уровень метаречевых актов автора текста с функцией описания, интерпретации, оценки, замечаний, комментария того, что происходит на нижнем, событийном уровне, к которому относятся события и речь персонажей. Речевой акт метауровня выполняет функцию зачина повествования. Более того, поскольку в нашем случае речь идет о жанре сказки-притчи, автор текста выступает в роли режиссера-постановщика сценария тоталитарного воздействия отправителя речи на аудиторию. Картина мира тоталитарного режима власти людей подается сквозь призму самосознания и речевого поведения животных, имитирующих нравы и поведение людей, что придает тексту особую яркость и выразительность. С помощью гротескной метафоры Оруэлл наделяет животных манерами поведения людей, тем самым с сатирой и критикой показывая несостоятельность управленческой системы и разделения общества.

Субъектно-речевая структура данного текста имеет также отношение к стратегии построения аргументативного дискурса. В данном случае аргументативная речь на событийном уровне начинается эксклюзивным речевым актом от «я»-субъекта, т. е. оратора, соблюдающего пока дистанцию по отношению к адресату (оратор пока не включает себя в сферу адресата). Это необходимо для овладения вниманием аудитории и обоснования своего обращения к ней. Данное право обосновывается с помощью аргумента от личного жизненного опыта и возвышения оратором своей личности. Но обратимся к тексту:

— Первым делом я должен вам сказать вот о чем. Не думаю, что я проведу с вами еще много месяцев, чувствую, что перед смертью я должен поделиться приобретенной мудростью с вами. Я прожил долгую жизнь, у меня было достаточно времени для размышлений, когда я лежал один в загоне и, думаю, могу утверждать, что понимаю смысл жизни лучше, чем кто-либо из моих современников. Вот об этом я и хотел бы вам поведать.

*Я дожил до двенадцати лет и произвел на свет более четырехсот детей. Для сви-
ньи я прожил достойную жизнь* [Оруэлл <http://>].

2. Аргумент от смысла жизни и ее бытия, поиска правды и свободы. Вспомогательные аргументы от трудностей реальной жизни, с помощью которых пробуждаются такие чувства слушателя, как недовольство, несправедливость, унижительность и горечь бытия. Эмоциональное состояние чрезвычайно зависит от локальных изменений жизненных обстоятельств, от невозможности абсолютного удовлетворения жизнью. Инклюзивная форма речи, в которой говорящий включает уже себя в сферу адресата, — это риторический прием воздействия на адресата: картина мира адресанта подается как общая картина мира с адресатом. «Я» оратора переходит в обобщенное «Мы». Это психологический прием, способствующий выражению сопричастности оратора судьбе адресата — она подается как общая судьба. Здесь обобщение принимает форму мнимого диалога (квазидиалога), так как и вопросы, и ответы на них исходят от одного и того же лица — адресанта. Этим объясняется аргумент от несчастной совместной судьбы и участи:

— Итак, друзья, в чем смысл нашего с вами бытия? Давайте посмотрим правде в лицо: краткие дни нашей жизни проходят в унижении и тяжком труде. С той минуты, как мы появляемся на свет, нам дают есть ровно столько, чтобы в нас не угасла жизнь, и те, кто обладает достаточной силой, вынуждены работать до последнего вздоха; и, как обычно, когда мы становимся никому не нужны, нас с чудовищной жестокостью отправляют на бойню. Ни одно животное в Англии после того, как ему минет год, не знает, что такое счастье или хотя бы заслуженный отдых. Ни одно животное в Англии не знает, что такое свобода. Жизнь наша — нищета и рабство. Такова истина [Оруэлл <http://>].

3. Аргумент от реального порядка вещей и каким он должен быть, от необходимости восхождения от преувеличенно ничтожных жизненных обстоятельств к преувеличенно комфортным и совершенным. В качестве средства воздействия на слушателя используется прием относительного сравнения, что особенно характерно для политической убеждающей речи. Этот прием описывает Карл Маркс: «Дома бывают большими и маленькими; пока все дома в округе — домики, они вполне удовлетворяют социальным запросам своих обитателей. Но как только рядом с ними вырастает дворец, эти домики скукоживаются до размеров лачуг» [Липпман 2004: 187]. Это такое намеренное срав-

нение, в котором эмоциональное состояние слушателя с помощью аргумента от трудностей реальной жизни опускается до самого тягостного и ничтожного, затем поднимается с помощью совершенно иного примера из жизни желаемого. Самое интересное в том, что чувства слушателя, такие как надежда, вера, гордость, начинают тонкой ниточкой постепенно тянуться вверх, но груз страданий не отпускает, ибо избавиться от него сложно. В агитационных речах эти чувства запускают процесс недовольства, подрывают основу реальной жизни, как модно сейчас говорить, «выводят из зоны комфорта»:

– Но таков ли истинный порядок вещей? Происходит ли это от того, что наша земля бедна и не может прокормить тех, кто обитает на ней и возделывает ее? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Климат в Англии мягкий, земля плодородна, и она в состоянии досыта накормить гораздо большее количество животных, чем ныне обитают на ней [Оруэлл <http://>].

Далее следует аргументация от конкретного примера (экземплификационный акт речи, подкрепляющий и конкретизирующий основную мысль):

– Такая ферма, как наша, способна содержать дюжину лошадей, двадцать коров, сотню овец — и жизнь их будет полна такого комфорта, такого чувства собственного достоинства, о которых мы сейчас не можем даже и мечтать [Там же].

4. Аргумент от необходимости поиска истинного врага и связанной с ним несправедливости. В политической аргументации он занимает особое место. Для большинства очень важно найти виновного в любых неприятностях, эту особенность сознания людей успешно используют политики. Они общаются с народом как с детьми: «Тот плохой, тот хороший», ведь настоящий взрослый человек, адекватно воспринимающий происходящие вокруг него ситуации, судит по поступкам, а не по словам. Но когда включаются эмоции, а они в данном случае запустились с помощью трех предыдущих аргументов, то взрослые люди начинают вести себя, как дети. И поиск виновного, на которого можно переложить всю ответственность, начинает занимать все силы, становится смыслом жизни. Снова начинается опросно-ответная форма рассуждения от инклюзивного «мы»-субъекта. Оратор продолжает оставаться в сфере адресата, но затем происходит переход к внешнему «он»-адресату (человеку) как врагу, источнику всех описанных выше несчастий животного мира. При этом и вопросы, и ответы на них производит сам оратор, подавая свои отве-

ты как ответы самой аудитории (адресата). Это — прагматическая функция «мы»-субъекта: картина мира адресанта навязывается адресату как его картина мира:

– Но почему же мы продолжаем жить в столь жалких условиях? Потому что почти все, что мы производим своим трудом на свет, разворовывается людьми. Вот, товарищи, в чем кроется ответ на все наши вопросы. Он заключается в одном-единственном слове — человек. Вот кто наш единственный подлинный враг — человек. Уберите со сцены человека, и навсегда исчезнет причина голода и непосильного труда. Человек — единственное существо, которое потребляет, ничего не производя. Он не дает молока, он не несет яиц, он слишком слаб для того, чтобы таскать плуг, он слишком медлителен для того, чтобы ловить кроликов. И все же он верховный владыка над всеми животными. Он гонит их на работу, он выделяет им на прокорм ровно столько, чтобы они не умерли с голоду — все же остальное остается в его владении [Там же].

5. Аргумент от незавидной жизненной участи адресата. Он точно с помощью примеров из его жизни убеждает каждого слушателя, отдельного или коллективного. Его цель — снять сомнения у возможных сомневающихся в истинности выдвигаемых оратором положений. В таком случае эмоциональная реакция еще более сильная, чем на аргумент к аудитории. Когда человек находится в толпе, его захлестывают настроения, свойственные ей в данный момент, но как только человек остается наедине с самим собой, его интересы вновь занимают центральное место. Поэтому использование аргумента к личности подчеркивает важность каждого отдельно взятого индивида. Здесь следует эксклюзивный акт речи: обращение к адресату, вернее к «ты»-, «вы»-адресатам. Аргумент от «ты»-, «вы»-адресата — речевой акт с функцией экзemplификации, дальнейшего развития и конкретизации основного тезиса аргументации:

– Наш труд возделывает почву, наш навоз удобряет ее, — и все же у каждого из нас есть всего лишь его шкура. Вот вы, коровы, лежащие сейчас передо мной, — сколько тысяч галлонов молока вы уже дали за прошлый год? И что стало с этим молоком, которым вы могли бы вспоить крепких телят? Все оно, до последней капли, было поглощено глотками наших врагов. А вы, куры, сколько яиц вы снесли в этом году и сколько взрастили цыплят? А остальные были отправлены на рынок, чтобы в карманах у Джонса и иже с ними

звенели денежки. Скажи и ты, Кlover, где твои четверо жеребят, которых ты выносила и родила в страданиях, жеребят, что должны были стать тебе опорой и утехой на старости лет? Все они были проданы еще в годовалом возрасте — и никого из них тебе не доведется увидеть вновь и после того, как ты четырежды мучилась в родовых муках, после того, как ты поднимала под пашню поля — что у тебя есть, кроме горсти овса и старого стойла? [Там же]

Далее опять следует эксклюзивный речевой акт устрашения, иллюкутивная сила аргументации нарастает — оратор выступает защитником интересов адресата, переходя вновь к эксклюзивному «я»:

— Но даже наша жалкая жизнь не может кончиться естественным путем. Я не говорю о себе, потому что мне повезло. Я дожил до двенадцати лет и произвел на свет более четырехсот детей. Для свиньи я прожил достойную жизнь. Но ни одно животное не может избежать в конце жизни безжалостного ножа [Там же].

Опять переход к «вы»-адресатам и к «они»-адресатам (лошадям, собакам и т. д.); «ты»-адресаты называются по имени, что придает интимность аргументативному воздействию:

Вот вы, юные поросята, что сидят передо мной, — все вы до одного, не пройдет и года, кончите свою жизнь в той загородке. И эта ужасная судьба ждет всех — коров, свиней, кур, овец, всех до единого. Даже лошадям и собакам достается не лучшая доля. Придет тот далекий день, когда могучие мускулы откажутся тебе служить, Боксер, и Джонс отправит тебя к живодеру, который перережет тебе горло и сделает из тебя собачью похлебку. Что же касается собак, то когда они состарятся и у них выпадут зубы, Джонс привяжет им на шею кирпич и пинком ноги швырнет в ближайший пруд [Там же].

6. Аргумент от главной причины и наличия условий для ее устранения. Поиск условий решения проблемы снимает со слушателя ответственность, и это естественно, ведь если настроение массы уже пошатнулось, начинаются недовольства и поиск виновных. Все эти чувства запускают мысль о необходимости поиска справедливости. В свою очередь, эта мысль дает толчок к действию, здесь оратор указывает не только на необходимые действия, но и на то вознаграждение, которое обязательно будет, если соблюдать все обсуждаемые условия. В поиске справедливости происходит сплочение групп людей, объединенных одной идеей, а идентификация виновного формирует от-

ношение «свой — чужой». В речи опять наблюдается возврат к инклюзивным речевым актам: риторический вопрос — обобщение и экспрессивная речь.

— И разве не стало теперь предельно ясно, товарищи, что источник того зла, которым пронизана вся наша жизнь, — это тирания человечества?

Стоит лишь избавиться от человека, и плоды трудов наших перейдут в нашу собственность! И уже этим вечером может загореться заря нашей свободы, которая сделает нас богатыми и независимыми. Что нам предстоит делать для этого? Работать день и ночь, отдавая и тело и душу для избавления от тирании человека! [Там же]

Вновь эксклюзивный речевой акт с побудительной модальностью — призывы к «ты»-, «вы»-адресату:

— И я призываю вас, товарищи, — восстание! Я не знаю, когда оно вспыхнет, через неделю или через сто лет, но столь же ясно, как я вижу эту солому под моими ногами, я знаю, что рано или поздно справедливость восторжествует. И сколько бы вам ни осталось жить, товарищи, посвятите свою жизнь этой идее! И кроме того, завещаю передать мое послание тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения могли продолжать борьбу до победного конца [Там же].

— И помните, товарищи, — ваша решимость должна оставаться непоколебимой. Пусть никакие доводы не собьют вас с пути. Не слушайте, когда вам начнут говорить, что у людей и у животных общие интересы, что процветание одной стороны означает благоденствие и для другой. Все это ложь! Людей не интересуют ничьи интересы, кроме их собственных. А среди нас, животных, пусть восторжествует нерушимое единство, крепкая дружба в борьбе. Все люди — враги. Все животные — друзья [Там же].

7. Аргумент от организационного совместного действия сторон, в частности, от необходимости голосования. Он работает, во-первых, на наделение слушателя особой значимостью и придает его мнению особую важность; во-вторых, он способствует еще большему сплочению толпы. Метаречевой акт с функцией описания реакции аудитории на пламенную речь хряка Майора:

— Едва только майор кончил говорить, поднялся ужасный гам. Пока длилась его речь, из своих нор выскользнули четыре большие крысы и, присев на задние лапы, внимательно слушали майора. В это время их увидели собаки, и только мгновенная

реакция крыс, юркнувших обратно в норы, спасла их жизнь [Там же].

Далее — метаречевой акт с функцией описания речи главного персонажа. Сцена голосования — это перлокуция: аудитория уже полностью завоевана Хряком и остается решить еще один организационный вопрос, который еще больше объединит слушателей.

— *Майор поднял ногу, призывая к молчанию.*

— *Товарищи, — сказал он, — нам необходимо обсудить еще один вопрос. Дикие звери, такие, как крысы и кролики — друзья или враги?* [Там же]

Вновь переход на событийный уровень повествования с использованием побудительной модальности.

— *Давайте проголосуем. Я выдвигаю этот вопрос на рассмотрение собрания: являются ли крысы нашими товарищами?* [Там же]

Метаречевой акт с функцией описания результатов голосования.

— *Голосование прошло безотлагательно, и подавляющим большинством голосов было решено, что крыс можно считать товарищами. Против голосовали лишь четверо — три собаки и кошка, относительно которой позже было выяснено, что голосовала она в обоих случаях* [Там же].

8. Аргумент от заключительного слова. Он в афористичной форме повторяет основные положения тезисной части, упорядочивает и закрепляет мысли слушателей, устраняет дополнительные вопросы. Текст заканчивается эксклюзивным речевым актом оратора от «я»-субъекта с функцией наставления и обобщения сказанного в форме кратких афористичных выражений.

— *Добавить мне осталось немного. Я лишь повторю: помните, что ваша обязанность — враждовать с людьми и со всеми их начинаниями. Каждый, кто ходит на двух ногах — враг. Каждый, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья — друг. И помните также, что в борьбе против человека мы не должны ничем походить на него. Даже одержав победу, отвергните все, что создано человеком. Ни одно из животных не должно жить в доме, спать в постели, носить одежду, пить алкоголь, курить табак, притрагиваться к деньгам или заниматься торговлей. Все человеческие привычки — это зло! И, кроме всего, ни одно животное не должно тиранить своих сородичей. Слабые или сильные, умные или глупые — все мы братья! Ни одно животное не должно убивать других животных. Все животные равны* [Там же].

9. Аргумент к мечте, подкрепленный исполнением гимна, выражающего главную

идею аргументационной речи, приводит слушателей в состояние эйфории, возбуждения, способствует укреплению чувства единства и сплоченности. Возврат к речи оратора как эксклюзивного «я»-субъекта. Композиционно она завершает текст, образуя его рамку (рамочное построение всего текста). Упоминание сна в начале и откладывание его описания на потом создает интригу для аудитории, когнитивное напряжение. Обращение к сновидениям, как к потусторонним силам, к которым якобы причастен оратор, оказывает магическое воздействие на аудиторию.

— *А теперь, товарищи, я расскажу вам о своем сне, что привиделся мне прошлой ночью. Я не в силах описать вам эту мечту. Это была мечта о земле, какой она станет после того, как человек исчезнет с ее лица. И вспомнилось мне давно забытое. Много лет назад, когда я был совсем маленьким поросенком, моя мать и вся наша родня любили петь старую песню, из которой они знали только первые три строчки и мотив. Песню эту я помню с детства, но прошло столько времени, так что многое забылось. И вот прошлой ночью она вернулась ко мне как мечта. И, что самое удивительное, — всплыли те слова, которые, я уверен, пели животные в давно прошедшие времена и которые, казалось, были навсегда потеряны в памяти поколений. Я сейчас спою вам эту песню, товарищи. Я стар, и у меня хриплый голос, но когда я научу вас мотиву, вы ее споете лучше. Она называется „Скоты Англии“* [Там же].

Заключительная сцена — метаречевой акт с функцией апогея, кульминации всего действия. Гимн — воззвание к зверям Англии и мира в исполнении Майора (эксклюзивный патетический акт речи). Исполнение гимна как заключение является средством достижения перлокутивного эффекта, который описывается автором на метауровне, т. е. иллокутивная фаза аргументации переходит с гимном в фазу результативную, к возванию к целому миру.

— *Старый майор прочистил горло и начал. Как он и говорил, голос у него был хриплый, но волнующая мелодия, нечто среднее между „Клементиной“ и „Кукарачей“, звучала достаточно чисто.*

*Звери Англии и мира,
всех загонов и полей,
созывает моя лира
вас для счастья новых дней.
Он настанет, он настанет,
мир великой чистоты,
и людей совсем не станет —
будут только лишь скоты.*

*Кнут над нами не взовьется,
и ярмо не нужно нам,
пусть повозка расшибется,
не возить ее коням!
Наше завтра изобильно,
клевер, сено и бобы,
и запасы так обильны,
что прекрасней нет судьбы.
Небо Англии сияет,
и чиста ее вода,
ветер песни напевает —
мы свободны навсегда!
Мы дадим друг другу слово —
отстоим судьбу свою!
Свиньи, куры и коровы,
будем стойкими в бою!
Звери Англии и мира,
всех загонов и полей,
созывает моя лира
вас для счастья новых дней [Там же].*

Заключительный речевой акт осуществляется на метауровне: автор описывает кульминацию всего действия и успешный результат агитационной речи Майора.

— Совместное исполнение этой песни привело животных в дикое возбуждение. И едва только майор дошел до последних слов, они сразу же начали петь ее снова. Даже самые тупые из присутствующих уже уловили мотив и несколько слов, а что же касается самых умных, таких, как свиньи и собаки, то уже через пару минут песня как бы рвалась из глубин их сердец. Несколько попыток приноровиться друг к другу — и вот вся ферма, в потрясающем единстве, взревела „Да здравствуют Скоты Англии“ [Там же].

Все указанные выше аргументы, обосновывающие главный целевой тезис в речи Майора, взаимосвязаны друг с другом и взаимозависимы, один вытекает из другого. Связывает их и эмоциональная реакция адресата. Аргументы изначально направлены на пробуждение определенных чувств и эмоций, затем формируют мысль и подталкивают к конкретным действиям. Проанализированный фрагмент демонстрирует призывную речь с ярко выраженной модальностью побуждения (приказ, воззвание, призыв). С точки зрения семантики используются средства усиления императивной модальности: модальные глаголы (*должен, может*), предложения в сослагательном и повелительном наклонении. Многочисленные вопросы в тексте тоже несут аргументативную нагрузку, они задают призывной тон всей речи. Риторические вопросы и восклицательные предложения придают речи торжественность, что тоже является характеристикой агитационных речей.

В политической аргументации в качестве аргументов часто привлекаются суждения, критикующие, осуждающие, высмеивающие личность оппонента и его действия.

Использование слова «товарищ» подчеркивает солидарность и взаимодоверие, верность идеалистическим принципам. Английское слово *comrade* не может в полной мере передать значение и смысловую нагрузку русского слова *товарищ*. Этимологически слово *товарищ* восходит к тюркской единице со значением «имущество, скот, товар»: изначально товарищами называли себя на Руси торговцы, которые торговали одинаковым товаром. Поэтому само по себе обращение *товарищ* объединяет людей, даже при условии, что общая идея еще не ясна.

Исследования коммуникативной практики тоталитарных режимов продолжают до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, которому, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистскую шумиху, резкую дифференциацию своих и чужих, пропаганду простых и в то же время кардинальных путей решения проблем [Чудинов 2006: 13]. Идейные лидеры тоталитаризма называют себя носителями смысла, требуя бессмысленного подчинения. Это лжевласть, в которой искаженное представление о власти как возможности подчинять и применять силу, стремление обладать приводит к насилию. Тоталитарная власть по природе своей безгранична, нерациональна и поэтому бессмысленна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Политическая лингвистика [Электронный ресурс] // Постнаука : сайт. Электронная видеозапись. 2015. 8 сент. URL: <https://postnauka.ru/video/52408>.
2. Брюшинкин В. Н. Когнитивные карты наборов аргументов // Модели рассуждений — 4. — Калининград : Изд-во Балтийск. федерального ун-та им. И. Канта, 2011. С. 161—181.
3. Брюшинкин В. Н. Аргументация: общество и сообщество // Модели рассуждений — 5. — Калининград : Изд-во Балтийск. федерального ун-та им. И. Канта, 2012. С. 43.
4. Брюшинкин В. Н. Когнитивный подход к аргументации // Модели рассуждений — 3 : Когнитивный подход. — Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 26.
5. Оруэлл Джордж. Скотный двор [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/ORWELL/animalfarm.txt_with-big-picture.html.
6. Ивин А. А. Аргументация в процессах коммуникации. — М. : Проспект, 2017.
7. Липпман Уолтер. Общественное мнение. — М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

8. Майерс Дэвид. Социальная психология. — СПб. : Питер, 2015.
9. Моноклер. Азбука тоталитаризма Джорджа Оруэлла. Перечитывая «1984» [Электронный ресурс]. URL: <https://monocler.ru/azbuka-totalitarizma-dzhordzha-oruella/>.
10. Недошивин В. Джордж Оруэлл обошел Нострадамуса по числу сбывшихся предсказаний [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. 25 июня. № 135 (6111). URL: <https://rg.ru/2013/06/25/oruell.html>.
11. Руксперт. Цветные революции. // https://ruxpert.ru/Цветные_революции

N. V. Kudinova
Kaliningrad, Russia

STRUCTURE OF ARGUMENTATION AIMED AT CALL FOR ARMS IN TOTALITARIAN DISCOURSE

ABSTRACT. *The article studies the construction of a model of political argumentation under the totalitarian rule and its influence on the listener from a linguistic and psychological point of view on the example of the allegorical novella "Animal Farm" by George Orwell. The writer describes the formation of a totalitarian rule from the emergence of an ideological leader to self-destruction of the system. Many representatives of the political elite use these methods of verbal and psychological manipulation of human consciousness. The purpose of this article is to identify the outreach argumentative model with its impact on the listener, strategies, linguistic means and psychological devices. The novelty of the research is in the application of logical, cognitive and communicative rhetorical approaches for the analysis of arguments in the outreach activities. The data obtained in the analysis of the speech of the boar Major reveal a whole system of arguments for supporting of the main thesis. All these arguments are interrelated and interdependent, their origin and illocutionary force affect the inhabitants of the farm. Intentionally evoked feelings and emotions generate in the recipient's mind the thoughts necessary for the speaker and they push to specific actions.*

KEYWORDS: *political argumentation; political discourse; art discourse; totalitarianism; language means; psychological tricks; British literature; British writers.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kudinova Natalia Vladimirovna, Post-graduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. Politicheskaya lingvistika [Elektronnyy resurs] // Postnauka : sayt. Elektronnyaya videozapis'. 2015. 8 sent. URL: <https://postnauka.ru/video/52408>.
2. Bryushinkin V. N. Kognitivnye karty naborov argumentov // Modeli rassuzhdeniy — 4. — Kaliningrad : Izd-vo Baltiysk. federal'nogo un-ta im. I. Kanta, 2011. S. 161—181.
3. Bryushinkin V. N. Argumentatsiya: obshchestvo i soobshchestvo // Modeli rassuzhdeniy — 5. — Kaliningrad : Izd-vo Baltiysk. federal'nogo un-ta im. I. Kanta, 2012. S. 43.
4. Bryushinkin V. N. Kognitivnyy podkhod k argumentatsii // Modeli rassuzhdeniy — 3 : Kognitivnyy podkhod. — Kaliningrad : Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2010. S. 26.
5. Oruell Dzhordzh. Skotnyy dvor [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.lib.ru/ORWELL/animalfarm.txt_with-big-pictures.html.
6. Ivin A. A. Argumentatsiya v protsessakh kommunikatsii. — M. : Prospekt, 2017.
7. Lippman Uolter. Obshchestvennoe mnenie. — M. : In-t fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s.
8. Mayers Devid. Sotsial'naya psikhologiya. — SPb. : Piter, 2015.
9. Monokler. Azbuka totalitarizma Dzhordzha Oruella. Perechityvaya «1984» [Elektronnyy resurs]. URL: <https://monocler.ru/azbuka-totalitarizma-dzhordzha-oruella/>.
10. Nedoshivin V. Dzhordzh Oruell oboshel Nostradamusa po chislu sbyskhishysya predskazaniy [Elektronnyy resurs] // Rossiyskaya gazeta. 2013. 25 iyunya. № 135 (6111). URL: <https://rg.ru/2013/06/25/oruell.html>.
11. Ruksper. Tsvetnye revolyutsii. // https://ruxpert.ru/Tsvetnye_revolutsii
12. Tokareva A., Shkurenko O., Koval'skiy M. Vse perevoroty XXI veka [Elektronnyy resurs] // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2821597>.
13. Filosofiya. Novoe vremya. Nemetskaya klassicheskaya filosofiya // <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/nemetskaya-ya-klassicheskaya-filosofiya.html>
14. Khitchens Kristofer. Pochemu tak vazhen Oruell. — M. : Grand Master, 2017.
15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta, 2006. 254 s.
16. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika: stanovlenie, teoriya, praktika. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2011.